

Bumma Pea

БРАТ МОЕГО МУЖА

Витта Ред

Брат моего мужа

<https://litres.ru/74221214>

Аннотация

Для окружающих я – идеальная жена известного архитектора. Для него – удобная вещь, которую пять лет назад он вытащил из грязи и надел свой дорогой ярлык. В этом браке нет места любви. Только его стальная воля, мои немые слезы и синяки, которые я научилась прятать под тональным кремом. Однажды ночью я сбегая. Впервые за пять лет я позволяю себе танцевать, смеяться и чувствовать на себе жаркий взгляд незнакомца. Этой ночью я принадлежу не мужу. Этой ночью я принадлежу себе. Утро приносит похмелье, стыд... и понимание: обратной дороги нет. Но та ночь оставила след, который невозможно стереть. И очень скоро моя «идеальная» жизнь рухнет окончательно.

Содержание

Глава 1. Хрустальная туфелька моей тюрьмы	4
Глава 2. Шрам от поцелуя	10
Глава 3. Бал	17
Глава 4. Возвращение	28
Глава 5. Невыносимая близость	38
Глава 6. Точка невозврата	56
Глава 7. Стены слышат	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1. Хрустальная туфелька моей тюрьмы

Я открываю глаза ровно в шесть утра. Будильник не нужен – за пять лет организм научился просыпаться раньше, чем прозвучат первые шаги мужа по паркету.

В спальне полумрак. Тяжелые портьеры не пропускают свет, и я на секунду позволяю себе помечтать, что сейчас лето, что мне восемнадцать и я бегу босиком по мокрой траве. Глупости.

Поворачиваю голову. Максим спит на спине, ровно дышит. Красивое лицо даже во сне сохраняет выражение надменности. Интересно, ему хоть раз снится что-то хорошее? Или он видит во сне стройки, контракты и мои провинности?

Осторожно, стараясь не скрипеть пружинами, я выбираюсь из постели. Ноги касаются пушистого ворса ковра, и я замираю. Спит. Хорошо.

В ванной включаю воду на минимальный напор. Смотрю на себя в зеркало. Оттуда смотрит женщина с темными кругами под глазами и спутанными волосами. Сколько мне? Двадцать три? Выгляжу на все тридцать. Надо бы накраситься получше сегодня, чтобы не злился.

Чищу зубы и считаю про себя. Семь утра – подъем Максима. Полвосьмого – завтрак. Восемь – он уезжает. У меня

есть полтора часа, чтобы привести себя в порядок и стать невидимой.

Я надеваю шелковый халат. Максим любит, чтобы я выглядела "достойно", даже дома. Халат струится по телу, прохладный и гладкий. Спускаюсь на кухню.

Наша квартира – пентхаус в центре города. Дизайнерский ремонт, итальянская мебель, панорамные окна. Красивая клетка. Я двигаюсь по ней бесшумно, как мышка. Достаяю кофе, взбиваю яйца для омлета, нарезаю фрукты. Руки работают автоматически.

Беру телефон. Обычно по утрам я проверяю почту – там только счета и спам. Но сегодня мелькает уведомление из мессенджера. Сообщение от неизвестного номера.

«Ты еще не передумала насчет бала?»

Пальцы замирают над экраном. Бал. Благотворительный вечер в отеле "Гранд Палас". Приглашение прислала Алиса, моя единственная подруга еще с универа. Она знает, в каком аду я живу, и каждый раз пытается вытащить меня в люди. Глупая, добрая Алиса.

Вчера я ответила ей, что подумаю. Сегодня...

– Что это?

Голос Максима бьет хлыстом по спине. Я вздрагиваю и роняю нож. Он стоит в дверях кухни, уже в костюме, идеальный, выбритый, пахнущий дорогим парфюмом.

– Ничего, – быстро убираю телефон в карман халата. – Смс от оператора.

– Дай сюда.

Это не просьба. Я медлю секунду, и этого достаточно. Он подходит, выхватывает телефон, смотрит на экран. Брови сходятся к переносице.

– "Ты еще не передумала насчет бала"? – читает вслух, и в его голосе появляется та самая металлическая нотка, от которой у меня холодеет внутри. – Это Алиска опять мозги пудрит?

– Максим, она просто...

– Я спрашиваю, это она?

– Да.

Он швыряет телефон на столешницу. Экран жалобно хрустит, разбиваясь паутинкой трещин.

– Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не общалась с этой дешевкой? Она тебя до добра не доведет. Балы ей подавай. Хочешь, чтобы на тебя пальцем показывали? Чтобы говорили: "Вон жена архитектора Гордеева, которую он из грязи вытащил"?

Я молчу. Опускаю глаза и смотрю на разбитый телефон. Там были фотографии. Мамины фотографии. Единственное, что у меня осталось.

– Я тебя спрашиваю!

Удар по щеке приходится неожиданно. Я даже не вижу, как он замахивается – просто резкая боль вспышкой разрывает левую скулу, и я отшатываюсь, ударяясь спиной о холодильник.

– Извини, – шепчу я. Это первое правило: сразу извиниться, даже если не понимаешь, за что. – Прости, я больше не буду.

Он смотрит на меня сверху вниз. В его глазах – не гнев, нет. Скука. Как будто он наступил на жука и ему лень даже ногу вытирать.

– Завтрак на стол. Через десять минут.

Максим выходит. Я стою, прижимая ладонь к щеке. Кожа горит, но плакать нельзя. Если я заплачу, глаза распухнут, и вечером он снова спросит, почему у меня такой жалкий вид. А потом ударит еще раз, за то, что порчу ему настроение своим кислым лицом.

Готовлю завтрак. Руки не дрожат – это удивительно. Я настолько привыкла, что тело работает само, отдельно от души. Омлет, кофе, свежавыжатый сок. Ставлю все на поднос, несу в столовую.

Максим сидит во главе стола, листает деловую прессу в планшете. Жует, не глядя на меня.

– Сядь.

Я сажусь напротив. Сама не ем. Жду.

– В субботу приезжает брат из Лондона, – говорит он, не отрываясь от экрана. – Артем. Поживет пока у нас.

Что-то внутри сжимается. Брат? За пять лет я ни разу не видела его родственников. Только слышала, что есть какой-то младший брат, с которым они не ладят.

– Хорошо, – отвечаю я. – Я подготовлю комнату для го-

стей.

– Комнат у нас много. – Он поднимает на меня глаза, и я физически чувствую этот взгляд, как пощечину. – Ты будешь вести себя прилично. Не позорить меня. Никаких разговоров о том, что происходит между нами. Ты поняла?

– Да.

– Сделай лицо попроще. И причешись. На себя посмотри – страх божий.

Максим встает, поправляет галстук и уходит. Через минуту хлопает входная дверь.

Я остаюсь одна.

Встаю из-за стола. Тарелка с его недоеденным омлетом остывает. Надо убрать. Надо помыть посуду. Надо жить дальше.

Прохожу мимо зеркала в прихожей и останавливаюсь. Смотрю на свое отражение. Скула уже начинает краснеть, завтра будет синяк. Придется замазывать тональным кремом, слоями, как штукатуркой.

Я отворачиваюсь. Подбираю с пола разбитый телефон. Экран не горит.

Надо купить новый. Но денег у меня нет. Совсем. Максим дает только на продукты, и за каждый рубль приходится отчитываться чеками. Я снимаю обручальное кольцо – тонкий платиновый ободок, унижительный подарок за мою свободу. В ювелирном его примут? Хватит ли на дешевый смартфон?

Внезапно телефон в моей руке оживает. Экран мигает, по-

том гаснет, потом загорается снова. Чудо какое-то. Я смотрю на разбитый дисплей – сквозь трещины видно уведомление.

Новое сообщение.

Тот же номер. Алиса. Но она сменила симку? Странно.

«Лика, я серьезно. Ты должна выйти из дома. Хотя бы на один вечер. Надень то синее платье, помнишь? То, в котором ты была на моей свадьбе. Ты была там как принцесса. Будь Золушкой, которая идет на бал. Я тебя очень прошу. Ответь "да", и я все организую».

Я смотрю на это сообщение сквозь трещины на стекле. Экран рябит, буквы расплываются. Как и моя жизнь.

Пальцы сами набирают ответ. Одно слово.

«Да».

Отправляю и зажимаю рот ладонью. Что я наделала?

Я смотрю на дверь, в которую вышел Максим. Он не вернется до вечера. У меня есть целый день, чтобы испугаться, передумать и снова стать послушной куклой.

Но внутри, глубоко-глубоко, там, где еще живет та девочка, что бегала босиком по траве, загорается крошечный огонек.

Бал. Синее платье. Один вечер.

Я украду его у своей жизни.

Даже если это будет стоить мне слишком дорого.

Глава 2. Шрам от поцелуя

Я стою посреди кухни и слушаю тишину.

В доме всегда тихо, когда Максима нет. Это такая особенная тишина – она не успокаивает, она давит на уши, потому что слишком непривычная. В ней слышно, как гудит холодильник, как капает вода из крана, как бьется мое сердце.

«Да».

Я отправила это сообщение. Я реально это сделала.

Хожу по кухне кругами, как зверь в клетке. Босая, в халате, с красной щекой и разбитым телефоном в руке. Телефон снова вибрирует.

«Я заеду за тобой в субботу в семь. Платье готовь. Целую!»

Алиса. Теперь точно Алиса. Ее дурацкие смайлики, ее вечное «целую», ее сумасшедшая вера в то, что меня еще можно спасти.

Я должна все отменить. Написать, что передумала, что Максим узнал, что я не могу. Но пальцы не слушаются. Я просто смотрю на экран и представляю субботу.

Суббота – это послезавтра.

В комнате для гостей уже приготовлена постель. Я сама ее стелила, когда горничная заболела. Белое белье, пушистые подушки, цветы в вазе. Для брата, которого я никогда не видела. Интересно, он похож на Максима? Такие же холодные

глаза? Такая же жесткая линия губ?

Трясу головой. Какая разница? Он придет, проживет пару дней и уедет. А я останусь. Я всегда остаюсь.

Подхожу к окну. Наш пентхаус на двадцатом этаже, и отсюда весь город как на ладони. Люди внизу – муравьи. Они бегут по своим делам, спешат на работу, влюбляются, ссорятся, живут. А я стою за стеклом и смотрю на них, как экспонат в витрине.

Провожу пальцами по скуле. Больно. Под кожей уже наливается что-то горячее и плотное – завтра будет синий, а потом желтый, а потом опять синий, потому что Максим редко бьет в одно место дважды. У него художественный подход: сегодня скула, завтра ребра, послезавтра запястья, которые я выворачиваю, когда пытаюсь закрыться.

Сажусь на пол. Прямо на холодный мрамор. Прижимаюсь спиной к батарее и закрываю глаза.

Тепло.

Воспоминание приходит само, не спрашивая разрешения.

Мне шесть лет. Мы живем в маленьком городе, в деревянном доме с печным отоплением. Зимой мама топит печь, и я сижу на полу, прижавшись к теплой кирпичной стенке. Мама гладит меня по голове и читает сказки. Про Золушку. Про то, как добрая девочка нашла свое счастье.

– Ты тоже найдешь, – говорит мама. – Обязательно найдешь. Ты у меня самая красивая, самая умная, самая хорошая.

Мамы давно нет. Рак забрал ее за три месяца. Мне было восемнадцать, и я осталась совсем одна. Ни денег, ни жилья, ни будущего. Только долги за ее лечение и пустая комната в общежитии, куда меня пустили пожалевшие соседи.

А потом появился Максим.

Он приехал в наш город строить торговый центр. Увидел меня в кафе, где я работала официанткой. Заказал кофе, смотрел, как я наливаю, и улыбался. Красивый, уверенный, взрослый. Ему было тридцать.

– Ты как Золушка, – сказал он тогда. – Тебя никто не видит, а ты светишься.

Я растаяла. Кто бы не растаял? Принц нашелся, увидел, разглядел. Он платил за мои курсы, купил нормальную одежду, забрал из этого вонючего общежития. Мы поженились через полгода.

Я думала, это любовь.

Я думала, это спасение.

Я думала, я наконец-то дома.

Телефон пиликает, вырывая из воспоминаний. Сообщение от неизвестного номера. Я уже хочу удалить, но палец замирает.

«Не бойся. Оно того стоит».

Я смотрю на эти три слова. Сердце замирает.

Кто это? Алиса? Не похоже. Алиса пишет иначе, она пишет как трещотка, много и быстро. А это коротко. И в самое сердце.

Набираю ответ: «Кто это?»

Отправляю и замираю. Жду минуту, две. Тишина.

Ну конечно. Какая-то ошибка. Или реклама. Или вообще кто-то перепутал номер. Выдыхаю.

Встаю с пола. Колени затекли, спина болит. Надо работать. Надо убрать со стола, помыть посуду, приготовить комнату для гостя. Надо жить дальше.

День тянется бесконечно.

Я перебираю вещи в гардеробной. Максим любит, чтобы все висело по цветам, по сезонам, по категориям. Я аккуратно сдвигаю плечики, поправляю пиджаки, глажу рубашки. Моя рука натывается на что-то мягкое, синее.

Платье.

То самое. В котором я была на свадьбе у Алисы три года назад. Я достаю его, и в комнату врывается запах тех нескольких часов счастья. Алиса смеялась, бросала букет, а я ловила. Максим тогда был в хорошем настроении, даже танцевал со мной. Кружил, и я чувствовала себя красивой.

Прижимаю платье к лицу. Ткань пахнет пылью и чуть-чуть – духами, которыми я больше не пользуюсь. Максим сказал, они дешевые.

Смотрю на себя в огромное зеркало гардеробной. На мне старые джинсы и растянутый свитер. Волосы собраны в небрежный пучок. Никакой косметики. Синяк на скуле проступает все ярче.

Я медленно раздеваюсь. Стою в белье – простом, удобном,

бежевом. Максим не любит кружева, говорит, пошло.

Натягиваю платье через голову. Ткань скользит по телу, обнимает, ласкает. Синий – мой цвет. Я и забыла. Глубокий, как ночное небо, с открытой спиной и тонкими бретельками. Оно сидит идеально, будто сшито по мне.

Поворачиваюсь к зеркалу.

Из зеркала на меня смотрит другая женщина. Та, которой я была когда-то. Та, которая умела смеяться громко и не боялась, что кто-то ударит за это. Та, которая верила в любовь.

Я подхожу ближе. Провожу пальцами по скуле, по синему пятну. Контраст безумный: шикарное платье и разбитое лицо. Прямо как моя жизнь – фасад и изнанка.

В дверях гардеробной вдруг возникает тень.

Я резко оборачиваюсь, сердце ухает в пятки. Но это не Максим. Это просто солнечный зайчик от соседнего дома упал на стену, сложился в причудливый силуэт.

Выдыхаю. Прижимаю руку к груди – там бешено колотится сердце.

Снимаю платье. Вешаю обратно. Долго смотрю на него.

В субботу. В семь. Алиса заедет.

Я спрячу платье в большую сумку, выйду из подъезда и сяду в машину. У меня есть целых три часа, пока Максим будет встречать брата. Значит, я успею.

А если не успею?

Если он вернется раньше?

Глушу эти мысли. Нельзя думать о плохом. Надо просто

сделать.

Я закрываю дверь гардеробной и иду на кухню. Надо приготовить ужин. Максим придет в семь. Будет есть молча, смотреть в планшет, а потом скажет «иди спать» таким тоном, что захочется провалиться сквозь землю.

Но сегодня я буду смотреть на него и думать о субботе. О синем платье. О том, как я выйду из этой клетки, пусть всего на один вечер.

Я украду этот вечер.

Даже если потом придется платить.

Готовлю ужин. Руки делают все сами, а мысли где-то далеко. Я снова та девчонка, которая ждет бала. Золушка, которая верит, что хрустальная туфелька существует.

Доварив ужин, я накрываю на стол. И когда в замке поворачивается ключ, я уже стою ровно, с улыбкой на лице, готовая быть невидимой.

Максим входит, бросает ключи на тумбу, смотрит на меня.

– Что с лицом?

– Ударилась о дверцу шкафа, – отвечаю я. Заученная фраза, отрепетированная до совершенства.

Он проходит мимо, даже не поцеловав. Садится за стол, разворачивает салфетку.

– Комната готова для моего брата?

– Да.

– Смотри у меня. – Он поднимает на меня глаза, и я чув-

ствую этот взгляд каждой клеткой. – Никаких лишних разговоров. Ты – моя жена. Веди себя соответственно.

– Конечно, Максим.

Я стою рядом, готовая подать, убрать, исчезнуть. А внутри, в самой глубине, пульсирует одно слово, как мантра:

Суббота. Суббота. Суббота.

Синее платье.

И один вечер свободы.

Я украду его.

Даже если это последнее, что я сделаю в своей жизни.

История только начинается, желающим прочитать дальше, я оставляю промо коды на скидку:

URhBLtRX

saqZB6CQ

VflToZF3

pM0pxa7B

ePPGhcA4

Глава 3. Бал

Суббота наступает медленно, как будто время специально тянется, чтобы помучить меня.

Я просыпаюсь рано, хотя всю ночь ворочалась. Максим храпит рядом, и каждый его всхрап отдается в висках глухой болью. Лежу, смотрю в потолок и считаю часы до вечера. Десять. Двенадцать. Пятнадцать. Когда же этот день кончится?

В десять утра Максим уезжает по делам. Я слышу, как хлопает дверь, и только тогда разрешаю себе выдохнуть. Встаю, плетусь на кухню, наливаю кофе. Руки дрожат.

Сегодня вечером я сбегу.

Мысль пугает и пьянит одновременно. Я подхожу к окну, смотрю на город. Солнце заливает крыши, люди внизу кажутся маленькими и счастливыми. Интересно, кто-нибудь из них тоже прячет синяки под тоналкой? Кто-нибудь тоже мечтает сбежать хоть на один вечер?

Возвращаюсь в гардеробную. Достāju синее платье, вешаю на дверцу, чтобы висело и ждало. Рядом ставлю клатч, куда сложу помаду и телефон. Туфли – серебристые лодочки на высоком каблуке – стоят в коробке, я их не надевала ни разу. Максим сказал, слишком вульгарно.

Пальцы гладят шелк платья, и внутри разливается тепло. Сегодня я надена его. Сегодня я буду красивой.

День тянется бесконечно. Я переделываю кучу дел: мою

посуду, протираю пыль, проверяю гостевую комнату в сотый раз. Белое белье, пушистые подушки, цветы в вазе – все идеально. Для брата, которого я никогда не видела. Интересно, какой он? Надеюсь, не такой, как Максим.

В шесть вечера я начинаю собираться.

Душ, волосы, макияж. Тональный крем ложится плотным слоем, скрывая синяк на скуле.

Я крашу глаза, подвожу стрелки, накладываю красную помаду. Смотрю на себя в зеркало и не узнаю. Из зеркала смотрит женщина, которую я похоронила пять лет назад. Та, что умела смеяться громко, не боялась быть замеченной, верила в любовь.

– Привет, – шепчу я своему отражению. – Соскучилась.

Надеваю платье. Ткань струится по телу, обнимает каждый изгиб. Спина открыта почти до поясницы, и от этого ощущения – прохладный воздух на голой коже – по позвоночнику бегут мурашки. Туфли делают ноги бесконечными. Я смотрю на себя в полный рост и впервые за пять лет себе нравлюсь.

В без четверти семь звонок в домофон. Я хватаю клатч, накидываю длинное пальто, чтобы прикрыть платье, и вылетаю в коридор. Главное – не столкнуться с Максимом.

Лифт едет слишком медленно. Я молюсь всем богам, чтобы дверь не открылась, чтобы никто не вошел. На первом этаже вылетаю пулей, пробегаю мимо консьержа, который даже не поднимает головы.

Алиса ждет у подъезда в своей маленькой красной машине. Увидев меня, она открывает рот и некоторое время просто хлопает глазами.

– Лика? – выдыхает она. – Господи, это ты?

– Я, – смеюсь я, запрыгивая на пассажирское сиденье. – Поехали!

– Ты богиня! – Алиса трогает с места, визжа шинами. – Ты просто богиня! Как тебе удалось? Ох это платье? А туфли? А губы?

– Алиса, – перебиваю я, – вези меня на бал.

Она хохочет и вжимает педаль в пол. Город проносится за окном разноцветными огнями, и мне кажется, что я лечу. Что я свободна. Что жизнь наконец-то начинается.

«Гранд Палас» сияет, как новогодняя елка. Фасад в огнях, красная дорожка, вереница дорогих машин. Мы паркуемся чуть поодаль и идем пешком. Холодный воздух обжигает голые ноги, но мне все равно. Я чувствую себя кинозвездой, выходящей на красную дорожку.

В холле играет живая музыка. Люди в вечерних нарядах, смех, звон бокалов. Алиса хватает два бокала шампанского с подноса проходящего официанта и вручает мне.

– Пей! – командует она. – Расслабляйся! Ты это заслужила!

Я делаю глоток. Пузырьки щекочут нос, вино кажется невероятно вкусным. Я почти забыла этот вкус.

– Пошли в зал, там танцы! – Алиса тянет меня за руку.

Бальный зал огромен, под потолком сияет хрустальная люстра. Джазовый оркестр играет что-то медленное, тягучее. Пары кружатся в танце, платья взлетают, глаза блещут. Алиса тут же находит какого-то знакомого и уплывает, оставляя меня одну.

Я стою у колонны, сжимая бокал. Сердце колотится, но это приятное волнение.

– Не помешаю?

Голос раздается прямо над ухом, и я вздрагиваю. Оборачиваюсь.

Он стоит в полуметре от меня. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем смокинге. Темные волосы чуть взлохмачены, на лице легкая небритость, от которой он кажется опасным и притягательным. И глаза. Серые, почти прозрачные, с искорками тепла.

Я смотрю на него и не могу вымолвить ни слова. Что-то внутри замирает, а потом начинает бешено пульсировать.

– Прости, если напугал, – улыбается он, и я замечаю ямочку на подбородке. – Просто увидел Вас и не смог пройти мимо. Вы похожи на...

– На кого? – выдавливаю я.

– На женщину, которую я искал всю жизнь.

Я смеюсь. Нервно, удивленно. Такая банальность, но в его устах звучит как откровение.

– Это самая избитая фраза, – говорю я.

– Знаю. – Он улыбается шире. – Но иногда банальное –

самое честное. Разрешите пригласить вас на танец?

Он протягивает руку. Ладонь широкая, пальцы сильные, без кольца. Я смотрю на его руку, потом в глаза. И вдруг понимаю, что не хочу отказываться. Совсем.

– Да, – шепчу я.

Его пальцы смыкаются на моей ладони, и по коже бегут мурашки. Он ведет меня в центр зала, кладет руку мне на талию. Я чувствую тепло его ладони сквозь тонкий шелк платья.

– Меня зовут Артем, – говорит он, когда мы начинаем двигаться в такт музыке.

– Ли́ка.

– Красивое имя. – Он чуть притягивает меня ближе. – Ли́ка. Как музыка.

Мы танцуем. Медленно, почти невесомо. Я чувствую запах его парфюма – древесный, с нотками бергамота. Закрываю глаза и позволяю музыке нести нас.

– Ты дрожишь, – шепчет он.

– Мне холодно.

– Тебе не холодно. – Его голос звучит тихо, но уверенно. – Ты волнуешься. Я тоже.

Открываю глаза. Он смотрит на меня, и в этом взгляде столько тепла, что у меня перехватывает дыхание.

– Почему ты подошел ко мне? – спрашиваю я.

– Потому что увидел тебя и понял: если не подойду, буду жалеть об этом всю жизнь. – Он улыбается. – Ты особенная.

Я это чувствую.

– Ты меня не знаешь.

– Я хочу узнать. – Он останавливается, и мы замираем посреди зала. – Прямо сейчас. Хочешь уйти отсюда?

– Куда?

– Есть одно место. Тише. Спокойнее. Где мы сможем поговорить.

Я смотрю на него. На его глаза, в которых плещется что-то такое, от чего внутри все переворачивается. Я должна сказать нет. Я замужем. Я не имею права.

Но я говорю:

– Да.

Он берет меня за руку, и мы выходим из зала. Проходим через анфиладу комнат, сворачиваем в коридор, поднимаемся на лифте. Я даже не спрашиваю куда. Мне все равно. Рядом с ним я чувствую себя живой.

Он открывает дверь номера карточкой. Мы входим. Номер огромный: панорамное окно во всю стену, огромная кровать, цветы в вазе. Ночной город сияет внизу.

– Ты часто приводишь сюда девушек? – спрашиваю я, сама не зная зачем.

– Никогда. – Он снимает пиджак, бросает на кресло. – Ты первая.

– Не верю.

– Зря. – Он подходит ближе. Останавливается в шаге. – Лица, я не знаю, кто ты и откуда. Я знаю только, что нико-

гда в жизни не чувствовал такого притяжения. Ты веришь в судьбу?

Я молчу. В горле ком.

– Не знаю.

– А я верю. – Он протягивает руку и касается моего лица. Кончиками пальцев, невесомо. – Я верю, что мы встретились не случайно.

Его пальцы гладят мою щеку, спускаются к шее. Я закрываю глаза. Его прикосновения обжигают. Никто не касался меня так нежно за эти пять лет.

– Лица, – шепчет он. – Посмотри на меня.

Я открываю глаза. Он смотрит, и в этом взгляде – океан.

– Я хочу тебя поцеловать. Можно?

Вместо ответа я сама тянусь к нему.

Его губы мягкие, теплые, настойчивые. Он целует меня медленно, смакуя, будто пробует на вкус. Я таю. Руки сами обнимают его за шею, пальцы зарываются в волосы. Он прижимает меня к себе, и я чувствую, как бьется его сердце – сильно, часто, в унисон с моим.

Мы целуемся долго, пока не кончается воздух. Он отрывается, смотрит в глаза.

– Ты невероятная, – шепчет он.

– Я обычная.

– Нет. – Он проводит пальцем по моей скуле, там, где под тоналкой спрятан синяк. – Ты не обычная. Ты та, кто умеет терпеть боль и при этом светиться.

Я замираю.

– Откуда ты...

– Я вижу. – Он осторожно касается синяка. – Кто это сделал?

Я отворачиваюсь. Не хочу говорить об этом. Не сейчас.

– Не важно.

– Важно. – Он берет мое лицо в ладони, возвращает к себе. – Мне важно. Потому что я не позволю никому тебя обижать. Никогда.

Слезы наворачиваются на глаза. Глупо, но я готова расплакаться от этих слов. Слишком давно их не слышала.

– Артем...

– Тсс. – Он прижимает палец к моим губам. – Не говори ничего. Просто будь со мной.

Он целует меня снова, и на этот раз поцелуй жарче, глубже. Его руки скользят по моей спине, гладят открытую кожу. Я выгибаюсь навстречу, теряя голову.

Он медленно опускает лямки платья. Ткань скользит вниз, открывая грудь. Он смотрит жадно, восхищенно.

– Какая же ты красивая, – выдыхает он.

Целует плечо, ключицу, спускается ниже. Я запрокидываю голову и позволяю себе чувствовать. Позволяю себе быть желанной. Позволяю себе жить.

Мы падаем на кровать. Его руки везде, губы везде. Он раздевает меня медленно, смакуя каждое движение. А потом раздевается сам, и я вижу его тело – сильное, загорелое, с

шрамами на груди.

– Что это? – касаюсь пальцами белого рубца.

– Другая жизнь, – отвечает он. – Потом расскажу.

Сейчас нет слов. Есть только кожа к коже, губы к губам, дыхание в унисон. Он целует мой живот, бедра, каждую клеточку, и я горю, плавлюсь, теряю себя.

Когда он входит в меня, я вскрикиваю – не от боли, от полноты ощущений. Он замирает, смотрит в глаза.

– Больно?

– Нет. Хорошо.

Он начинает двигаться. Медленно, осторожно, потом быстрее. Я обхватываю его ногами, впиваюсь ногтями в спину. Мир сужается до его лица, его глаз, его губ. В ушах шумит кровь, сердце готово выпрыгнуть.

– Лица, – шепчет он. – Смотри на меня.

Я открываю глаза. Он надо мной, красивый, родной, чужой. И в его взгляде столько нежности, что я проваливаюсь.

– Я сейчас, – выдыхаю я. – Я...

– Давай, – шепчет он. – Я с тобой.

Мир взрывается. Я кричу, выгибаюсь, ловлю ртом воздух. Волны накрывают с головой, раз за разом. Он двигается во мне, и я чувствую, как он тоже теряет контроль.

– Лица! – его стон смешивается с моим.

Мы замираем, тяжело дыша. Я лежу на его груди, слушаю, как бьется сердце. Медленно, ровно. Успокаивается.

Он гладит мои волосы.

– Ты чудо, – говорит тихо. – Настоящее чудо.

Я улыбаюсь, уткнувшись носом в его плечо.

– Ты тоже.

Мы молчим. За окном светлеет небо. Скоро рассвет.

– Я не хочу, чтобы ты уходила, – говорит он.

– Надо.

– Знаю.

Он целует меня в макушку.

– Мне пора, – шепчу я.

– Я провожу.

– Нет. Не надо.

Я встаю, начинаю одеваться. Он лежит, смотрит на меня.

В глазах грусть.

– Ты придешь еще? – спрашивает.

– Не знаю. Я... – я закусываю губу. – Я замужем.

– Я догадался.

– И он... он опасен.

– Я не боюсь.

Я надеваю платье, поправляю волосы. Подхожу к кровати, наклоняюсь, целую его в губы. Коротко, нежно.

– Спасибо за эту ночь.

Выхожу из номера. Иду по коридору, вызываю лифт, спускаюсь. Холл отеля пуст, только уставшие официанты убирают со столов. Выхожу на улицу. Рассвет красит небо в розовый.

Ловлю такси, называю адрес. Еду и улыбаюсь. Всё внутри

поет.

Я не знала, что дома меня ждет скандал. Максим вернулся раньше, чем я думала. Он сидел в гостиной с бокалом виски, и его глаза были красными от злости.

Глава 4. Возвращение

Такси останавливается у моего дома, когда небо уже окрашивается в розовый.

Я расплачиваюсь, выхожу на тротуар и смотрю вверх. Наш пентхаус на двадцатом этаже темнеет на фоне рассвета – огромная стеклянная коробка, моя клетка. Где-то там внутри спит Максим, даже не подозревая, что его жена провела ночь в объятиях другого мужчины.

Странно, но страха нет. Есть только тепло, разлитое по всему телу, и легкое головокружение. Я все еще чувствую на губах его поцелуи, на коже – его прикосновения. Артем. Я повторяю про себя это имя, и оно звучит как музыка.

В подъезде тихо. Консьерж дремлет за стойкой, даже не поднимает головы. Лифт едет вверх, и я смотрю, как мелькают цифры этажей, считаю секунды до того момента, когда снова стану прежней – тихой, незаметной, послушной.

Ключ поворачивается в замке бесшумно. Я приоткрываю дверь и замираю, прислушиваясь. Тишина. Хорошо. Максим спит, и если повезет, не узнает, что меня не было всю ночь.

Я скольжу в прихожую, скидываю туфли и на цыпочках направляюсь в спальню. Пальто летит на кресло, я уже тяну руку к ручке двери, когда вдруг замечаю полоску света под дверью гостиной.

Свет горит. В пять утра.

Я замираю, пытаюсь придумать хоть какое-то объяснение. Алиса, скорая, плохо, осталась помочь – это сработает? Нужно будет позвонить Алисе, чтобы подтвердила...

– Заходи, не стой в коридоре.

Голос Максима звучит так неожиданно, что я вздрагиваю. Он не спит. Он ждал меня.

Я делаю глубокий вдох, расправляю плечи и толкаю дверь гостиной.

Максим сидит в кресле у камина. Пепельница рядом полна окурков, в руке он держит бокал с виски – наполовину пустой, значит, пил долго. Глаза красные, злые. Он смотрит на меня и молчит.

– Я могу объяснить, – начинаю я, но голос дрожит.

– Объяснить что? – Он поднимается, и я инстинктивно делаю шаг назад. – Где ты была, Лика?

– У Алисы. Ей стало плохо, я осталась...

– Алиса звонила час назад. – Максим подходит ближе. От него разит перегаром. – Спросить, как у тебя дела. Представляешь?

Я замираю. Алиса, глупая, добрая Алиса, даже не знала, что меня не было дома. Она думала, я сплю после бала.

– Я была... – начинаю я, но он не дает договорить.

Он хватает меня за подбородок, задирает лицо вверх. Его пальцы впиваются в кожу так сильно, что я вскрикиваю.

– На тебе лица нет, – шипит он. – Глаза шальные, губы опухшие. Ты где шлялась, тварь?

– Отпусти, мне больно...

– Больно? – Он смеется, но смех страшный, злой. – Сейчас тебе будет по настоящему больно.

Я пытаюсь отшатнуться от него, но он уже видит.

Засос на шее. Я забыла его замазать. В темноте номера он казался таким естественным, таким правильным – метка той ночи, которую я хотела сохранить. А теперь эта метка сияет как клеймо.

– Что это? – Голос Максима становится тихим, почти спокойным. Это страшнее крика.

– Я...

Удар приходится в скулу – в ту самую, которая еще не зажила после прошлого раза. Я отлетаю к стене, ударяюсь спиной и сползаю на пол. В глазах темнеет, в ушах звенит.

– Шлюха! – орет он. – Я тебя из грязи вытащил, я тебя человеком сделал, а ты?! С кем ты была? Кто он?

Он наклоняется надо мной, хватая за волосы, дергает вверх, заставляя смотреть в глаза. Я молчу. Что я могу сказать? Что его имя Артем? Что он прекрасен? Что этой ночью я впервые за пять лет почувствовала себя живой?

Максим замахивается снова, и я зажмуриваюсь, готовясь к удару.

– Хватит.

Голос раздается откуда-то сбоку. Чужой голос. Я открываю глаза и поворачиваю голову.

В дверях гостиной стоит ОН.

В домашних брюках и белой футболке, босиком, с взъерошенными волосами. Он смотрит на нас – на Максима, который держит меня за волосы, на меня, скорчившуюся на полу. И в его глазах застывает ужас.

– Артем? – Максим отпускает меня и выпрямляется. – Ты чего не спишь?

Я смотрю на него и не могу пошевелиться. Артем. Тот самый Артем. Мужчина с ямочкой на подбородке, который несколько часов назад шептал мне слова любви. Который целовал каждый сантиметр моего тела. Который сказал, что я чудо.

Он стоит здесь, в моем доме. В доме моего мужа.

– Я услышал шум, – говорит он ровно. Голос не дрожит, только желваки ходят на скулах. – Решил проверить, что случилось.

– Да ничего особенного, – Максим машет рукой, будто ничего не произошло. – Жена провинилась. Разбираюсь.

Артем переводит взгляд на меня. Наши глаза встречаются. В его взгляде я читаю всё: узнавание, шок, боль. И вопрос: ты – жена моего брата?

Я отворачиваюсь. Не могу смотреть на него. Не могу видеть, как рушится всё, что было той ночью.

– Может, не при мне? – Артем шагает в комнату. – Я пойду, не буду мешать.

– Останься, — останавливает его Максим. – Раз уж проснулся, познакомлю. Это Лика, жена моя. Лика, это Ар-

тем, брат, про которого я говорил. Приехал сегодня ночью, пока тебя не было.

Я поднимаюсь с пола, прижимая ладонь к разбитой скуле. Ноги дрожат, в глазах стоят слезы, но я заставляю себя посмотреть на него. На брата моего мужа.

– Очень приятно, – говорю я деревянным голосом.

– Взаимно. – Он смотрит на меня, и в этом взгляде столько боли, что мне хочется провалиться сквозь землю.

– Лица у нас красавица, – продолжает Максим, будто не замечая ничего. – Правда, характер скверный. Пришлось немного воспитать.

Он смеется собственной шутке. Артем молчит.

– Ладно, иди спать, – Максим машет мне рукой, как собаке. – Завтра поговорим.

Я выхожу из гостиной, стараясь не шататься. Прохожу мимо Артема, чувствуя его взгляд кожей. В коридоре останавливаюсь, прижимаюсь лбом к стене и зажмуриваюсь.

Боже. Боже, боже, боже.

Тот мужчина, которому я отдалась этой ночью, которому шептала имя, которого целовала – он брат моего мужа. Он здесь. Он будет жить в соседней комнате. Мы будем видеться каждый день.

Я вхожу в спальню, падаю на кровать и смотрю в потолок. Слез нет. Есть только ледяной ужас и одна мысль, пульсирующая в висках: что теперь будет?

Утром я не выхожу к завтраку.

Лежу, смотрю в стену и слушаю голоса из столовой. Максим что-то рассказывает, Артем отвечает коротко, односложно. Иногда доносится смех – Максим смеется, Артем молчит.

В полдень Максим заходит в спальню. Я притворяюсь спящей, но он садится на край кровати и трогает мое плечо.

– Вставай. Обед готовь. Брат в доме, неудобно.

Я открываю глаза. Он смотрит на меня спокойно, будто ничего не случилось. Синяк под глазом расплывается фиолетовым, скула опухла, но ему всё равно.

– Хорошо, – говорю я.

– И замажь это, – он кивает на мое лицо. – Незачем светить.

Я встаю, иду в ванную. Долго смотрю на себя в зеркало. Та женщина, что танцевала ночью в бальном зале, исчезла. Осталась только я – прежняя, побитая, покорная.

Тональный крем снова ложится плотным слоем, скрывая синяк. Я одеваюсь в закрытое платье с длинным рукавом, закалываю волосы и выхожу на кухню.

Артем сидит за столом с чашкой кофе. Увидев меня, он поднимается. Максима нет.

– Макс уехал в офис, – говорит Артем. – Сказал, вернется вечером.

Я киваю и прохожу к плите, делая вид, что занята готовкой. Но руки дрожат, и я чуть не роняю сковороду.

– Лица.

Его голос заставляет меня замереть. Я оборачиваюсь.

Он стоит в двух шагах, смотрит на меня. В глазах – боль, непонимание, что-то еще, чему я не могу найти названия.

– Ты... – Он запинается. – Ты вчера... Я не знал.

– Я тоже.

– Если бы я знал, что ты его жена...

– Что бы изменилось? – Я усмехаюсь горько. – Ты бы не подошел ко мне? Не танцевал? Не... – Я не договариваю.

Он молчит. Потом делает шаг ближе.

– Посмотри на меня.

Я поднимаю глаза. В его взгляде столько нежности, что у меня перехватывает дыхание.

– То, что было между нами, – говорит он тихо, – это было настоящее. Я не жалею. Ни о чем не жалею.

– А я жалею, – выдыхаю я. – Потому что теперь мы здесь. И нам придется делать вид, что ничего не было.

– Ты хочешь делать вид?

Я смотрю на него и понимаю, что не могу. Не могу делать вид, что не помню его губ, его рук, его шепота.

– Это ничего не меняет, – говорю я. – Я его жена.

– Ты его рабыня. – В его голосе звучит злость. – Я видел, как он с тобой обращается.

– Это не твоё дело.

– Стало моим. – Он шагает еще ближе, теперь между нами остается только шаг. – Той ночью ты стала моей. Хотя бы на несколько часов.

Я зажмуриваюсь. Нельзя. Нельзя этого слышать.

– Артем, уходи. Пожалуйста.

– Я не могу. – Он берет меня за руку, и по коже бегут мурашки. – Я не могу притворяться, что ты для меня чужая.

Я открываю глаза. Он смотрит, и в этом взгляде вся та ночь. Всё, что мы не успели друг другу сказать.

– Что нам делать? – шепчу я.

– Не знаю. – Он подносит мою руку к губам, целует пальцы. – Но что-то придумаем.

С кухни доносится звук подгорающего омлета. Я выдерживаю руку и бросаюсь к плите. Артем остается стоять на месте.

Обед мы едим молча. Сидим за огромным столом, как чужие люди, и каждый думает о своем. Я смотрю в тарелку и вижу только его лицо.

– Расскажи о себе, – вдруг говорит он. – Чем ты занимаешься?

Я поднимаю глаза.

– Ничем. Дом. Максим не любит, когда я работаю.

– А что ты любишь?

Вопрос звучит так неожиданно, что я теряюсь.

– Не знаю. Раньше любила рисовать.

– Рисуешь?

– Рисовала. В школе. Потом...

Я не договариваю. Потом в мою жизнь пришел Максим и сказал, что рисование – это для бездельников. Что жена

должна заниматься домом.

– Жаль, – говорит Артем. – Хотел бы посмотреть.

Я молчу.

После обеда он уходит в свою комнату, а я мою посуду и смотрю в окно. Город живет своей жизнью, люди спешат по делам, а я чувствую себя запертой в стеклянной клетке. Теперь вместе с мужчиной, который разбудил во мне то, что я считала мертвым.

Вечером возвращается Максим. Привозит продукты, какие-то покупки, шумно входит, командует. Я убираю, подаю, исчезаю. Артем сидит в гостиной с книгой, но я чувствую его взгляд на себе каждую секунду.

Ночью я лежу в постели и смотрю в потолок. Рядом храпит Максим, а я думаю о том, что в соседней комнате, всего в нескольких метрах, спит он. Тот, кто целовал меня так, будто я была самой желанной женщиной на земле.

Телефон тихо вибрирует на тумбочке. Я протягиваю руку, смотрю на экран.

Сообщение с незнакомого номера.

«Я не могу уснуть. Все время вижу тебя. А.»

Я закусываю губу и набираю ответ дрожащими пальцами:

«И что нам делать?»

Ответ приходит сразу:

«Ждать. Я что-нибудь придумаю».

«Он убьет нас, если узнает».

«Я не боюсь».

Я смотрю на эти слова и чувствую, как внутри разгорается огонь. Страх, надежда, отчаяние – всё перемешалось.

«Спокойной ночи, Артем».

«Спокойной ночи, Лика. Ты не одна».

Я убираю телефон и закрываю глаза. За стеной спит мужчина, который стал моим спасением и моим проклятием одновременно.

Я не знаю, что будет завтра. Не знаю, чем закончится эта история. Знаю только одно: пути назад нет.

Той ночью на балу я перешагнула черту. И теперь мне придется идти до конца.

Глава 5. Невыносимая близость

Проходит три дня, и я учусь жить с этой тайной.

Утро начинается одинаково. Я просыпаюсь в шесть, пока Максим еще спит, бесшумно выбираюсь из кровати и иду на кухню. Варю кофе, готовлю завтрак, накрываю на стол. Мои движения отточены до автоматизма, как у машины. Тональный крем ложится на скулу плотным слоем – синяк еще не прошел, но под макияжем почти не заметно.

Артем выходит к завтраку ровно в восемь. Каждый раз я чувствую его приближение за несколько секунд до того, как он появляется в дверях. Слышу шаги, чувствую запах его геля для душа – свежий, с нотками мяты и чего-то древесного. Сердце начинает биться быстрее, но я держу лицо. Заставляю себя смотреть на него как на чужого человека.

– Доброе утро, – говорит он, садясь за стол.

– Доброе утро, – отвечаю я ровно.

Максим уже сидит во главе стола, листая новости в планшете. Он не поднимает головы, только бросает:

– Кофе.

Я наливаю ему чашку. Потом наливаю Артему. Когда я ставлю чашку перед ним, наши пальцы почти касаются. Я отдергиваю руку быстрее, чем успеваю подумать. Артем смотрит на меня, но ничего не говорит.

Завтрак проходит в молчании. Максим жует, не отрываясь

от экрана. Артем ест неторопливо, иногда поднимает глаза и смотрит на меня. Я чувствую эти взгляды кожей, но не отвечаю. Не могу. Если я посмотрю на него, Максим заметит. Он всегда замечает то, что ему нужно заметить.

После завтрака Максим уходит в душ, потом в кабинет. Я мою посуду и слышу, как Артем подходит к кухонному проему.

– Лика.

– Не надо, – говорю я, не оборачиваясь.

– Что не надо?

– Не надо так смотреть на меня. Он заметит.

– Он ничего не замечает.

Я оборачиваюсь. Артем стоит, прислонившись к дверному косяку. На нем простая футболка и джинсы, волосы еще влажные после душа. Он выглядит так, будто сошел с обложки журнала, и от этого зрелища у меня перехватывает дыхание.

– Заметит, – повторяю я. – Он заметил засос. Он заметит твой взгляд.

– И что он сделает? Ударит тебя? – В голосе Артема звучит глухая злость. – Он уже это сделал. За то, что ты посмела быть счастливой хотя бы одну ночь.

– Артем, прошу. – Я сжимаю край раковины, чтобы руки не дрожали. – Не надо. Не сейчас.

Он молчит, потом кивает.

– Хорошо. Не сейчас.

Разворачивается и уходит.

Я остаюсь на кухне одна. Смотрю на его пустую чашку и чувствую, как внутри поднимается что-то огромное, болезненное, невыносимое. Я хочу к нему. Хочу подойти, прижаться, почувствовать его запах, его тепло. Но не могу.

Выхожу в коридор и слышу голоса из кабинета. Максим говорит по телефону. Я поднимаюсь в спальню, закрываю дверь и сажусь на пол у кровати. Обнимаю колени и просто сижу, глядя в одну точку.

Что я делаю? Что мы делаем? Эта ситуация не имеет выхода. Я жена его брата. Даже если бы я не была замужем, даже если бы Максим исчез, между нами всегда будет эта тень. Артем не сможет смотреть на меня и не вспоминать, что я принадлежала его брату. А я не смогу забыть, что предала человека, который когда-то казался для меня спасением.

В полдень Максим уезжает. Я слышу, как хлопает дверь, и выдыхаю. Теперь у меня есть несколько часов, чтобы не играть роль. Чтобы быть собой.

Спускаюсь вниз и вижу Артема. Он сидит в гостиной с книгой, но, когда я вхожу, поднимает голову.

– Уехал?

– Да.

– Хорошо. – Он откладывает книгу. – Может, поговорим?

– О чем?

– О том, что будет дальше.

Я сажусь в кресло напротив, но он встает и подходит бли-

же. Останавливается в шаге, смотрит сверху вниз.

– Лика, ты не можешь оставаться здесь.

– И куда я пойду?

– Ко мне. Я сниму квартиру, мы уедем, начнем все сначала.

Я смеюсь, но смех выходит горьким.

– Ты серьезно? Я его жена. У меня нет денег, нет документов, нет ничего. Он найдет меня и...

– Что? – Голос Артема становится жестче. – Что он сделает? Ударит? Убьет?

– Может быть.

– Я не позволю.

– Ты не сможешь меня защитить. – Я поднимаюсь, чтобы он не нависал надо мной. – Артем, я знаю его лучше, чем ты. Если мы уйдем, он не остановится. Он найдет нас, и тогда пострадаешь не только я.

Артем сжимает челюсть, желваки ходят на скулах.

– Значит, ты предлагаешь остаться? Смотреть, как он тебя калечит? Делать вид, что между нами ничего не было?

– Да, – говорю я, хотя каждое слово дается с трудом. – Именно это я и предлагаю.

– Я не смогу.

– Придется.

Он смотрит на меня, и в его глазах столько боли, что у меня сжимается сердце.

– Ты любишь его? – спрашивает он вдруг.

– Нет.

– А меня?

Я молчу. Не могу ответить на этот вопрос. Не имею права.

– Лика, – он берет меня за руку, и я не отдергиваю. – Той ночью между нами было что-то настоящее. Я знаю, ты это чувствуешь.

– Чувствую, – шепчу я.

– Тогда почему мы не можем быть вместе?

– Потому что жизнь не сказка. – Я смотрю на наши переплетенные пальцы. – Потому что есть закон, есть обязательства, есть...

– Есть страх, – перебивает он. – Ты просто боишься.

– Да. Боюсь. – Я поднимаю глаза. – Я боюсь не за себя. Я боюсь за тебя. Если Максим узнает, он убьет тебя. Не покалечит, не избьет – убьет. Я знаю его. У него есть связи, деньги, возможности. А у тебя ничего.

Артем молчит. Потом подносит мою руку к губам и целует каждый палец.

– У меня есть ты, – говорит он тихо. – Это уже что-то.

Я закрываю глаза. Его губы обжигают кожу, и каждая клетка моего тела кричит: да, да, да. Но я заставляю себя выдернуть руку.

– Не надо. Пожалуйста, не надо.

– Хорошо, – он отступает на шаг. – Не буду.

Мы стоим друг напротив друга, и воздух между нами накаляется до предела.

– Иди, – говорю я. – Погуляй, проветришься. Мне нужно побыть одной.

Он кивает и выходит.

Я падаю в кресло и закрываю лицо руками. Что я делаю? Я отталкиваю единственного человека, который за пять лет посмотрел на меня как на женщину. Я выбираю клетку вместо свободы. Я выбираю боль вместо счастья.

Но я не могу иначе. Я знаю Максима. Если он узнает, пострададут все.

Вечером Максим возвращается домой в хорошем настроении. Привозит вино, говорит, что подписал какой-то важный контракт. Я накрываю на стол, мы ужинаем втроем.

– Завтра поеду в банк, – говорит Максим, наливая себе вино. – Лика, ты со мной. Надо кое-какие документы подписать.

– Хорошо, – отвечаю я.

– Артем, – Максим поворачивается к брату, – ты как, соединишься? Может, хочешь в бизнес войти?

– Пока не решил, – Артем пожимает плечами. – Мне нужно время подумать.

– Думай, не торопись. – Максим поднимает бокал. – За семью.

Мы чокаемся. Я делаю глоток вина и чувствую, как оно обжигает горло.

После ужина Максим говорит, что устал, и уходит в спальню. Я остаюсь убирать со стола. Артем помогает – молча со-

бирает тарелки, относит на кухню.

На кухне мы оказываемся вдвоем. Я стою у раковины, он рядом, подает посуду. Наши руки иногда касаются, и каждый раз меня пронзает током.

– Лика, – говорит он тихо, чтобы Максим не услышал. — Я не могу так. Я сойду с ума.

– Надо, – отвечаю я, не оборачиваясь.

– Зачем? – Он кладет руку мне на плечо. – Зачем мы делаем вид?

– Чтобы выжить.

– Я хочу не выживать. Я хочу жить.

Я оборачиваюсь. Он стоит так близко, что я чувствую тепло его тела. В его глазах – отчаяние и надежда одновременно.

– Артем...

– Скажи мне, что той ночи не было. Скажи, что я тебе не нужен. Скажи, и я уйду. Я уеду, не буду больше мучить ни тебя, ни себя.

Я смотрю на него и не могу вымолвить ни слова. Потому что не могу сказать. Не могу врать.

– Видишь? – Он улыбается, но улыбка выходит грустной. — Не можешь.

– Потому что это будет неправда.

– Значит, я тебе нужен?

Я молчу. Вместо ответа я делаю шаг вперед и касаюсь его щеки. Он замирает. Я провожу пальцами по его скуле, по губам, чувствуя, как он дрожит под моими прикосновениями.

– Нужен, – шепчу я. – Очень нужен.

Он накрывает мою руку своей, прижимается губами к ладони.

– Тогда позволь мне помочь. Позволь вытащить тебя отсюда.

– Как? – Слезы наворачиваются на глаза. – Как ты это сделаешь?

– Я что-нибудь придумаю. – Он сжимает мои пальцы. – Только не теряй надежду.

Сверху доносится голос Максима:

– Лика! Иди сюда!

Я отшатываюсь, как от удара. Артем отпускает мою руку, делает шаг назад.

– Иди, – говорит он. – Не зли его.

Я захожу в спальню, Максим, сидит на кровати похлопывая по краю.
– Хорошо отдохнула в эти дни? – спросил он, и в голосе прозвучало что-то, от чего у меня свело живот.

– Да, – ответила я ровно.

– А я вот устал. Помоги расслабиться.

Я знала, что это значит. Я подошла, встала на колени между его ног и начала расстегивать ремень. Руки не дрожали. Я научилась контролировать дрожь. Потом пуговицу, молнию. Я делала это механически, отключив сознание, как делала всегда.

– Смотри на меня, – приказал он.

Я подняла глаза. Он смотрел сверху вниз, и на его губах

играла улыбка. Не та, которой он улыбался гостям или партнерам. Другая. Та, которая появлялась, когда он хотел сделать больно.

– Ты какая-то отстраненная в последнее время, – сказал он, проводя пальцами по моей щеке. – Где витаешь?

– Нигде, – ответила я. – Я здесь.

– Здесь? – Он усмехнулся и вдруг резко сжал мою челюсть. Пальцы впились в кожу, надавили на кость. – А мне кажется, что ты не здесь. Мне кажется, ты думаешь о чем-то другом. О ком-то другом.

Я не могла говорить. Челюсть была зажата так, что зубы скрипнули.

– Я знаю, что ты шлюха, Лика, – сказал он спокойно, почти ласково. – Я знал это, когда женился. Но ты моя шлюха. Ты поняла?

Я кивнула. Он отпустил челюсть, и я опустила голову.

– Продолжай, – сказал он.

Я продолжила. Сосредоточилась на движении рук, на том, чтобы не смотреть ему в глаза. Я смотрела на его колени, на ворс ковра, на свои пальцы. Я была не здесь. Я была в номере отеля, на белых простынях, с мужчиной, который смотрел на меня как на чудо.

– Посмотри на меня, – снова приказал он.

Я подняла глаза. В его взгляде не было ничего, кроме власти. Он смотрел на меня, и я видела, как ему нравится видеть меня на коленях.

– Скажи, что ты моя, – сказал он.

– Я твоя, – ответила я.

– Громче.

– Я твоя.

Он откинул голову на спинку дивана и закрыл глаза. Я смотрела на его кадык, на жилку, бьющуюся на шее, и думала о том, как легко сейчас было бы сжать пальцы. Как легко было бы остановить это все.

Но я не сделала. Я никогда не делаю.

Потом он переключился на меня. Это было хуже всего – когда он меня касался. Когда его руки скользили по моему телу, сжимали, тискали, как вещь. Я лежала на кровати, глядя в потолок, и считала трещинки на штукатурке.

– Ты как бревно, – сказал он недовольно. – Расслабься.

Я попыталась. Я закрыла глаза и представила, что это не он. Что это Артем. Что эти руки – его руки. Что этот запах – запах мяты и древесины, а не виски и табака. Я представила его лицо, его губы, его шепот.

– Вот так, – сказал Максим, почувствовав, как мое тело расслабилось. – Так лучше.

Я ненавидела себя за то, что он почувствовал разницу. Ненавидела себя за то, что мое тело откликалось не на него, а на воспоминание.

Когда он вошел в меня, я продолжила представлять. Я была далеко. Я была в безопасности. Я была с ним.

– Открой глаза, – сказал Максим.

Я открыла. Он смотрел на меня сверху вниз, его лицо покраснелось, на лбу выступила испарина.

– Кто я? – спросил он, ускоряя ритм.

– Ты Максим, – ответила я.

– А ты кто?

– Твоя жена.

– Чья?

– Твоя.

Он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то животное.

– Правильно, – выдохнул он. – Моя. Всегда моя.

Я закрыла глаза. Не могла больше на него смотреть. Не могла притворяться.

– Смотри на меня, – рявкнул он. – Я сказал, смотри!

Я открыла глаза. Он схватил меня за волосы, дернул голову назад, заставляя смотреть в потолок.

– Ты меня слышишь? – Его голос стал низким, угрожающим. – Смотри на меня, сука!

Боль пронзила кожу головы, но я не вскрикнула. Я смотрела в его глаза, пока он двигался во мне, и в его взгляде было что-то, от чего мне хотелось исчезнуть. Раствориться. Стать воздухом.

Он резко вышел из меня, перевернул на живот и навалился сверху. Его колено вдавилось мне в поясницу, рука сжала затылок.

Он ударил. Резко, с размаху, по почкам. Боль вспыхнула, и я не сдержала крика. Зажала рот рукой, чтобы не закричать

снова.

– Тише, – сказал он, как будто я была ребенком, который шумит не вовремя. – Брат услышит.

Он ударил еще раз, в то же место. Я скрутилась, но он придавил меня коленом, не давая свернуться в клубок.

– Ты моя, – сказал он, нависая сверху. – Моя.

Он схватил меня за горло. Не сильно, не чтобы задушить, а чтобы показать: он может. Он может все. Пальцы сомкнулись вокруг шеи, и я почувствовала, как воздух перекрывается. Не до конца. Ровно настолько, чтобы я поняла: он контролирует даже то, как я дышу.

– Ты не человек, – сказал он спокойно. – Ты вещь. Моя вещь.

Я не могла говорить. Я смотрела в его глаза и не узнавала человека, за которого выходила замуж. Хотя, возможно, я никогда его и не знала.

Он отпустил горло, и я вдохнула, жадно, со свистом. Он снова вошел в меня, грубо, резко, без всякой нежности. Я лежала лицом в подушку и чувствовала, как каждый толчок отдается болью в почках, в спине, в затылке.

– Запомни, – сказал он, тяжело дыша. – Ты принадлежишь мне. Если я узнаю, что ты хоть пальцем кого-то коснулась, я убью тебя. А потом убью его.

Он кончил с глухим стоном и еще несколько секунд лежал на мне тяжелый, потный, чужой. Потом поднялся, поправил одежду и пошел наливать себе виски.

Я лежала, не двигаясь. Боль пульсировала в пояснице, в шее, в висках. Я чувствовала, как на скуле расплывается синяк – он ударил, когда держал за голову. Или когда душил. Я уже не помнила.

– Приведи себя в порядок, – бросил он, не оборачиваясь.

Я села. Каждое движение отзывалось болью, но я заставила себя встать. Ноги дрожали. Я прошла в ванную, закрыла дверь и посмотрела в зеркало.

На меня смотрела чужая женщина. Синяк на скуле, красные пятна на шее, распухшие губы. Я провела пальцами по шее – следы от пальцев уже проступали, багровые, отчетливые.

Я открыла кран и умылась ледяной водой. Потом достала тональный крем. Руки дрожали, но я наносила слой за слоем, замазывая то, что можно замазать. Завтра надену водолазку. И послезавтра. И через неделю.

Я смотрела на себя в зеркало и не плакала. Я разучилась плакать. Слезы кончились уже давно.

Когда я вышла, Максим сидел на кровати и пил виски. Он посмотрел на меня, кивнул.

– Лучше, – сказал он. – Подойди.

Я подошла. Он провел пальцем по моей щеке, по тому месту, где под тональным кремом прятался синяк.

– Извини, – сказал он. – Я вспыльчивый. Ты знаешь.

Я кивнула.

– Я люблю тебя, – сказал он. – Ты же знаешь.

Я снова кивнула.

– Скажи это.

– Я знаю, – сказала я.

Он улыбнулся и поцеловал меня в лоб. Как ребенка. Как вещь, которую починил и теперь снова можно использовать.

На следующее утро я просыпаюсь с тяжелой головой. Максим уже ушел в душ, я слышу, как шумит вода.

Спускаюсь на кухню и вижу Артема. Он сидит за столом, пьет кофе. Увидев меня, поднимает глаза. В его взгляде – вопрос.

Я качаю головой. Не сейчас.

Он кивает и отводит глаза.

Максим выходит к завтраку бодрый, энергичный.

– Лика, сегодня в банк. Не опаздывай. Артем, ты с нами?

– Нет, – отвечает Артем. – У меня дела.

– Ну как знаешь.

Мы завтракаем. Я почти ничего не ем, только пью кофе. Максим что-то рассказывает про контракт, про деньги, про перспективы. Я киваю, но не слушаю.

После завтрака я поднимаюсь переодеться. Надеваю строгое платье, закалываю волосы. Выхожу в коридор и сталкиваюсь с Артемом.

Он ждет меня у двери.

– Лика.

– Что?

– Возьми телефон. Если что-то случится, звони.

Он протягивает маленький телефон – дешевый, кнопочный.

– Зачем?

– На всякий случай. Мой номер там.

Я смотрю на телефон, потом на него.

– Артем, ничего не случится. Мы просто в банк.

– Возьми, – настаивает он.

Я беру телефон и прячу в карман.

– Спасибо.

– Береги себя.

Я киваю и спускаюсь вниз. Максим уже ждет в машине.

Мы едем в банк. Я смотрю в окно на город, на людей, на солнечный свет. Все кажется нормальным, но внутри меня – буря.

В банке Максим ведет себя как обычно – уверенно, громко, требует особого отношения. Я сижу рядом, подписываю документы, которые он мне подает. Не читая. Я всегда так делаю.

– Вот здесь, – говорит менеджер, показывая на строчку.

Я ставлю подпись. Потом еще одну. Потом еще.

– Все, – говорит менеджер. – Теперь вы собственник.

– Что? – Я поворачиваюсь к Максиму.

– Квартира, – объясняет он. – Я переписал ее на тебя. На всякий случай.

Я смотрю на него и не понимаю. Зачем?

– Не смотри так, – усмехается он. – Иногда я делаю добрые

дела.

Мы выходим из банка. На улице солнечно, и я щурюсь от света.

– Садись в машину, – говорит Максим. – Я сейчас.

Он отходит, достает телефон. Я стою у машины и чувствую, как вибрирует в кармане маленький телефон.

Достаю, смотрю на экран.

«Все в порядке? А.»

Я печатаю ответ:

«Да. В банке были. Все хорошо».

«Возвращайтесь скорее».

Убираю телефон. Максим возвращается, садится за руль.

– Поехали, – говорит он.

Мы едем домой. Я смотрю на дорогу и думаю о том, что теперь у меня есть квартира. Моя собственная квартира. Та, в которой я живу с мужем, который меня бьет.

Ирония судьбы.

Дома нас встречает Артем. Он сидит в гостиной, но, когда мы входим, поднимается.

– Как все прошло?

– Отлично, – Максим хлопает его по плечу. – Лика теперь владелица недвижимости.

Артем смотрит на меня.

– Поздравляю.

– Спасибо.

Наши взгляды встречаются на долю секунды. В его глазах

– облегчение. Он боялся, что Максим что-то заподозрил.

– Отпразднуем? – предлагает Максим. – Закажем ужин?

– Давай, – соглашается Артем.

Максим уходит заказывать еду, а мы остаемся в гостиной вдвоем.

– Ты как? – тихо спрашивает Артем.

– Нормально.

– Он что-то делал?

Я качаю головой. Не здесь. Не сейчас.

Артем понимает. Отходит к окну.

Вечером мы ужинаем втроем. Максим рассказывает про свои планы, про то, что хочет открыть еще один офис. Артем слушает, иногда кивает. Я сижу молча.

После ужина Максим уходит в кабинет. Я мою посуду. Артем подходит.

– Лица.

– Ммм?

– Он... вчера...

Я замираю.

– Все нормально, – говорю я.

– Не нормально. – Его голос дрожит. – Я слышал.

Я поворачиваюсь. Он стоит бледный, сжав кулаки.

– Артем, прошу.

– Я не могу на это смотреть. – Он подходит ближе. – Я не могу лежать в соседней комнате и слушать, как он...

– Замолчи.

– Я увезу тебя. – Он берет меня за плечи. – Сегодня же. Собери вещи, и мы уедем.

– Куда? – Я смотрю на него. – Куда мы уедем?

– В другой город. В другую страну. Не важно. Главное, подальше от него.

Я смотрю на его лицо. На ямочку на подбородке, на серые глаза. Я хочу сказать «да». Каждая клетка моего тела хочет сказать «да».

– Не могу, – шепчу я.

– Почему?

– Потому что он найдет. Он всегда находит.

– Не найдет. Я все продумаю.

Сверху доносится звук открывающейся двери. Мы отскакиваем друг от друга.

– Я пойду, – говорит Артем и выходит из кухни.

Я остаюсь одна. Смотрю на свои дрожащие руки и понимаю, что больше не могу. Не могу делать вид. Не могу терпеть. Не могу жить так.

Мне нужно решение. Нужно что-то сделать.

Но что?

Глава 6. Точка невозврата

Я сижу на кухне одна и смотрю на свои руки. Они дрожат. Мелкая противная дрожь, которую я не могу остановить. Проходит десять минут, двадцать, а я всё ещё здесь, прижавшись спиной к холодному холодильнику, и пытаюсь придумать план.

Ничего не приходит в голову.

В моей жизни никогда не было планов. Сначала мама, потом её болезнь, потом долги, потом Максим, который приходит и говорит: «Я решу все твои проблемы». И я верю. Как дура, верю, что принц существует. Что хрустальная туфелька – это не сказка.

Теперь я знаю: туфелька была стеклянной. Она разбилась, и осколки впиваются в кожу.

Наверху хлопает дверь. Я слышу шаги Максима – он идёт в ванную. Вода шумит долго, потом стихает. Тишина. Я жду, когда он уснёт, и только тогда решаюсь подняться.

Прохожу мимо комнаты Артема. Дверь закрыта, под ней нет света. Я замираю на секунду, прижимаю ладонь к деревянной поверхности, будто могу почувствовать его тепло сквозь преграду. Потом убираю руку и иду дальше.

В спальне темно. Максим храпит, раскинувшись на кровати. Я ложусь на свой край, поджимаю ноги и закрываю глаза. Сон не идёт. В голове крутится одна и та же мысль: квар-

тира теперь моя. Что это значит? Зачем Максим это сделал? Он никогда не делает ничего просто так.

Засыпаю только под утро, и мне снится сон. Мы с Артемом стоим на краю обрыва. Внизу – море, синее, бескрайнее. Он держит меня за руку и говорит: «Прыгай. Я поймаю». Я смотрю вниз и боюсь. А он улыбается, и у него на подбородке та самая ямочка. «Прыгай, – повторяет он. – Я всегда буду тебя ловить». Я делаю шаг вперёд и падаю.

Просыпаюсь от собственного крика. Максим уже ушёл, его половина кровати пуста. Я лежу, тяжело дыша, чувствуя, как по лицу текут слёзы.

Утром я спускаюсь на кухню позже обычного. Максим сидит за столом с чашкой кофе, листает планшет. Артем стоит у окна, смотрит на город.

– Проспала, – замечает Максим, даже не поднимая головы.

– Извини. Плохо спала.

– Сделай кофе.

Я наливаю себе чашку, сажусь за стол. Артем оборачивается, смотрит на меня. В его взгляде – вопрос. Я киваю: всё нормально.

– Сегодня вечером ужин с партнёрами, – говорит Максим, откладывая планшет. – Лика, ты едешь со мной.

– Хорошо.

– Приведи себя в порядок. Не позорь меня.

Он встаёт, поправляет галстук и уходит. Я смотрю ему

вслед, чувствуя, как внутри поднимается тошнота. Ужины с партнёрами – это всегда испытание. Я должна молчать, улыбаться и выглядеть так, будто у меня нет ни одной мысли.

Артем подходит к столу, садится напротив.

– Ты в порядке?

– Да.

– Не похоже.

Я поднимаю глаза. Он смотрит внимательно, изучающе.

– Артем, прошу. Не начинай.

– Я не начинаю. Я спрашиваю.

– Я в порядке, – повторяю твёрже. – Правда.

Он молчит. Потом протягивает руку и накрывает мою ладонь своей. Я не отдёргиваю. Не могу. Его пальцы тёплые, сильные, и это прикосновение – единственное, что держит меня на плаву.

– Ты говорила, что любила рисовать, – вдруг говорит он.

– Давно. В другой жизни.

– Я куплю тебе краски.

Я поднимаю голову.

– Зачем?

– Чтобы ты снова начала. Чтобы у тебя были цвета.

Он говорит это так просто, будто может купить мне не просто краски, а новую жизнь.

– Не надо, – отвечаю. – Это ничего не изменит.

– Изменит. – Он сжимает мои пальцы. – Попробуй. Ради меня.

Я смотрю на него и вместо ответа киваю. Он улыбается, и от этой улыбки у меня перехватывает дыхание.

День тянется бесконечно. Я готовлю обед, убираю, глажу. Артем сидит в гостиной с книгой, но я знаю, что он не читает. Чувствую его взгляд каждый раз, когда прохожу мимо.

Ближе к вечеру поднимаюсь в спальню, чтобы подготовиться к ужину. Душ, волосы, макияж. Надеваю чёрное платье – строгое, закрытое. Максим любит такие. Смотрю на себя в зеркало и вижу чужую женщину. Серую, незаметную.

Спускаюсь. Максим уже ждёт в прихожей, нетерпеливо постукивает пальцами по стенке.

– Долго.

– Я готова.

Он окидывает меня взглядом, кивает.

– Нормально.

Мы выходим. У двери я оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Артемом. Он стоит в коридоре, прислонившись к стене, и смотрит. В его глазах – тоска. И что-то ещё, чему я не могу найти названия. Отворачиваюсь и выхожу.

Ресторан дорогой, с приглушённым светом и тяжёлыми портьерами. Партнёры Максима – мужчины в дорогих костюмах, их жёны в бриллиантах. Я сижу на своём месте, улыбаюсь, киваю, когда нужно, и молчу. Максим рассказывает про контракты, планы, деньги. Я смотрю в тарелку и думаю о том, что сейчас делает Артем.

– Лица, – голос Максима вырывает меня из мыслей. – Вы-

пей с нами.

Он протягивает бокал с шампанским. Я беру, делаю глоток. Пузырьки щекочут нос, вкус кажется горьким.

– Красивая у вас жена, Максим, – говорит один из партнёров.

– Спасибо, – улыбается Максим. – Я её из грязи вытащил. А теперь вон как живёт.

Он смеётся. Слова режут, как ножом. Я опускаю глаза, сжимаю бокал так сильно, что пальцы белеют.

– А чем вы занимаетесь? – спрашивает жена одного из партнёров.

Я поднимаю голову. Женщина смотрит с искренним интересом.

– Домом, – отвечаю.

– Лица у нас домохозяйка, – вставляет Максим. – Ей хватает забот. Да, дорогая?

– Да.

Женщина кивает, но в её взгляде мелькает жалость. Я отворачиваюсь.

Ужин тянется бесконечно. Я сижу, улыбаюсь, киваю и считаю минуты до того момента, когда можно будет уйти. В какой-то момент Максим наклоняется ко мне:

– Ты какая-то кислая. Сделай лицо повеселее.

Я заставляю себя улыбнуться шире. Он удовлетворённо кивает.

Когда мы наконец выходим из ресторана, на улице уже

стемнело. Максим ведёт машину быстро, почти не глядя на дорогу. Я смотрю в окно и молчу.

– Ты сегодня опозорилась, – вдруг говорит он.

– Что? – поворачиваюсь к нему.

– Сидела, как истукан. Ни слова, ни улыбки. Партнёры подумали, что у меня жена с приветом.

– Я улыбалась. Я...

– Заткнись.

Я замолкаю. Он ведёт молча, только пальцы с силой стискивают руль.

Дома нас встречает темнота и тишина. Артема не видно. Я снимаю пальто, вешаю в шкаф.

– Иди в спальню, – говорит Максим.

Я поднимаюсь. В спальне темно, включаю ночник. Максим входит следом, закрывает дверь.

– Раздевайся.

Я смотрю на него. В его глазах – то, что я ненавижу больше всего. Не гнев. Гнев хотя бы понятен. А это – власть. Чистая, животная власть.

– Максим, я устала.

– Я сказал, раздевайся.

Я медленно расстёгиваю молнию на платье. Ткань скользит вниз, и я остаюсь в белье. Он смотрит, и от этого взгляда мне хочется сжаться в комок.

– Подойди.

Я делаю шаг. Ещё один.

Он обхватывает моё лицо руками, сжимает щёки.

– Ты моя. Помнишь?

– Помню.

– Чья ты?

– Твоя.

– Повтори.

– Твоя, Максим.

Он улыбается. Отпускает лицо, проводит пальцами по плечу, по ключице.

– Хорошая девочка. Моя шлюшка.

Я стою, не двигаясь, пока он раздевается. Потом ложусь на кровать, как он велит, и смотрю в потолок. Считаю. Раз, два, три...

Когда всё заканчивается, он засыпает мгновенно. Я лежу, глядя в темноту, и чувствую, как по щеке скатывается слеза.

Вдруг телефон вибрирует. Тот самый, маленький, который дал Артем.

Я тянусь к тумбочке, беру, смотрю на экран.

«Ты вернулась?»

Печатаю:

«Да. Уже спим».

«Ты плакала?»

Я замираю. Откуда он знает?

«Нет».

«Не ври».

Я смотрю на экран и не знаю, что ответить. Пальцы дро-

жат.

«Всё нормально. Не волнуйся».

«Как я могу не волноваться? Я люблю тебя».

Эти три слова ударяют меня, как пощёчина. Я смотрю на них и не могу поверить. Любит. Он меня любит.

Слёзы текут сильнее. Я зажимаю рот рукой, чтобы Максим не услышал.

«Не надо так говорить. Пожалуйста».

«Почему? Это правда».

«Потому что это ничего не меняет».

«Меняет всё. Для меня».

Я убираю телефон и закрываю глаза.

Утром я просыпаюсь разбитой. Максим уже уехал – слышала, как хлопнула дверь. Я встаю, иду в ванную, смотрю на себя. Под глазами круги, лицо бледное.

Спускаюсь на кухню и вижу Артема. Он сидит за столом, перед ним коробка.

– Что это? – спрашиваю.

– Открой.

Я открываю коробку. Внутри – краски. Масляные, в тюбиках, яркие. Кисти, холст. Я смотрю на это и не могу вымолвить ни слова.

– Я обещал, – говорит Артем.

– Артем...

– Не надо благодарностей. Просто попробуй.

Я провожу пальцами по тюбикам. Синий, жёлтый, крас-

ный, зелёный. Цвета, которых нет в моей жизни.

– Я не знаю, смогу ли.

– Сможешь. – Он подходит ближе. – Ты сможешь всё. Ты просто забыла.

Я поднимаю глаза. Он смотрит с такой нежностью, что у меня перехватывает дыхание.

– Спасибо, – шепчу.

– Не за что.

Мы стоим друг напротив друга, и воздух между нами накаляется. Я чувствую, как он хочет прикоснуться, и сама хочу того же. Но не могу.

– Я пойду, – говорю. – Мне нужно...

– Да, конечно.

Я беру коробку и ухожу в спальню. Закрываю дверь, ставлю краски на стол и долго смотрю на них. Потом достаю холст, прикрепляю к мольберту, который нахожу в гардеробной. Он стоял там пять лет, пылился, ждал.

Выдавливаю краски на палитру. Синий, белый, немного чёрного. Закрываю глаза и вспоминаю тот сон. Море, обрыв, его лицо.

Когда открываю глаза, рука уже тянется к холсту.

Я рисую.

Сначала неуверенно, робко. Потом смелее, быстрее. Синий смешивается с белым, превращаясь в волны. Чёрный добавляет глубины. Я рисую море, небо, обрыв. И его. Его лицо, его глаза, ту самую ямочку на подбородке.

Я не знаю, сколько проходит времени. Час, два, три. Когда наконец отступаю от холста, у меня болят плечи, пальцы в краске.

Но передо мной – ОН.

Я смотрю на портрет и чувствую, как слёзы текут по щекам. Теперь он есть у меня. Хотя бы на холсте.

В дверь стучат. Я вздрагиваю.

– Лика? – голос Артема. – Ты там?

– Да.

– Можно войти?

Я смотрю на холст, потом на дверь.

– Да.

Он входит и замирает. Смотрит на портрет, потом на меня.

– Это я?

– Да.

– Ты нарисовала меня?

Я киваю. Он подходит ближе, рассматривает.

– Лика... – Он поворачивается ко мне. – Это невероятно.

– Я давно не рисовала.

– Ты талантлива. Настоящий талант.

Я отворачиваюсь, смущённая.

– Ерунда.

– Нет. – Он берёт меня за плечи, разворачивает к себе. –

Ты – художница. Ты должна рисовать.

– Артем...

– Я серьёзно.

Он смотрит на меня, и между нами снова возникает то напряжение, которое невозможно игнорировать.

– Нам нужно поговорить, – говорит он.

– О чём?

– О том, что будет дальше. Я не могу так жить.

– Я тоже.

– Тогда почему мы ничего не делаем?

Я смотрю на него и не знаю, что ответить. Потому что страшно. Потому что я не верю в счастливый конец.

– Я боюсь, – говорю честно.

– Я знаю. – Он гладит меня по щеке. – Но я с тобой.

– А если он узнает?

– Не узнает.

– А если узнает?

Артем молчит. Потом берёт моё лицо в ладони.

– Тогда мы уедем. Прямо сейчас. Я увезу тебя.

Я смотрю в его глаза и вижу там то, чего не видела пять лет. Надежду.

– Дай мне время, – шепчу. – Просто дай мне немного времени.

Он кивает.

– Хорошо. Но не слишком много.

В тот же день, ближе к вечеру, Максим запирается в кабинете – звонит партнёрам, разбирает документы. Я слышу сквозь дверь его уверенный голос. Он занят надолго.

Я стою в гостиной, разглядывая портрет, который поставила на мольберт у окна. Артем входит тихо – я слышу его шаги только тогда, когда он оказывается у меня за спиной.

– Ты смотрела на него весь день, – говорит он негромко.

– Не могу насмотреться.

– Я здесь. Настоящий. – Он касается моего локтя, и меня словно током пронзает. – Посмотри на меня.

Я поворачиваюсь. Он стоит так близко, что я чувствую его дыхание на своей щеке. В гостиной тихо, только где-то далеко в кабинете гудит голос Максима.

– Он занят, – шепчет Артем. – Надолго.

Артем берёт меня за руку и тянет к огромному встроенному шкафу в прихожей – там висит верхняя одежда, хранятся вещи, которые редко достают. Внутри пахнет тканью.

Он открывает дверь, шагает внутрь и тянет меня за собой. Я вхожу, и он тихо прикрывает створку, оставляя тонкую щёлку света. Мы оказываемся в тесном пространстве, зажатые между пухлыми пальто и костюмами. Моя спина упирается в мягкую ткань, Артем нависает надо мной.

– Я больше не могу ждать, – шепчет он, и в его голосе столько силы, что у меня подкашиваются ноги. – Каждую ночь я слышу, как он прикасается к тебе. Каждую ночь я сжимаю кулаки и молчу.

– Артем...

– Ты ведь моя. – Он прижимается лбом к моему лбу. – Скажи, что ты моя.

– Твоя, – выдыхаю я.

Он целует меня. Не так, как в ту первую ночь в отеле – осторожно и нежно. Сейчас в его поцелуе есть что-то дикое, сдерживаемое днями ожидания. Он впивается в мои губы, вжимает меня в стену из одежды, и я стону, забыв, что мы в нескольких метрах от кабинета Максима.

Его руки скользят под мой свитер, гладят мою кожу, сжимают талию. Я чувствую, как дрожат его пальцы, когда он поднимает ткань выше, оголяя грудь.

– Я хочу видеть тебя, – шепчет он, отрываясь от губ. – Всю.

Он стягивает свитер через голову, и я остаюсь в белье. В полумраке шкафа его глаза блестят, когда он смотрит на меня.

– Боже, – выдыхает он. – Ты прекрасна.

Он наклоняется, припадает губами к ключице, спускается ниже, к ложбинке между грудью. Я откидываю голову, вцепляюсь пальцами в его волосы. Каждое прикосновение отзывается во мне огнём. Он отодвигает ткань бюстгальтера, обхватывает губами сосок.

– Тише, – напоминает он, и от этого предостережения возбуждение становится ещё острее.

Его руки расстёгивают мои джинсы, стягивают их вместе с бельём. Я остаюсь обнажённой, прижатой к вороху одежды. Артем отступает на шаг, насколько это возможно в тесном шкафу, и опускается на колени.

– Что ты... – начинаю я, но слова застревают в горле.

Он обхватывает меня за бёдра, притягивает ближе, и я чувствую его дыхание между ног. Мои колени подгибаются.

– Держись за меня, – шепчет он и проводит языком по влажным складкам.

Я вцепляюсь в его плечи, чувствуя, как всё тело наливается тяжестью. Он лижет медленно, почти лениво, словно пробует на вкус, изучает. Язык скользит по клитору круговыми движениями, заставляет меня выгибаться.

– Артем... – выдыхаю я, и мой голос дрожит.

Он поднимает глаза, смотрит на меня снизу вверх, и в этом взгляде столько обожания, что у меня перехватывает дыхание. Его руки сжимают мои ягодицы, притягивают ещё ближе, и он углубляет ласку – язык проникает внутрь, дразнит, отступает, снова возвращается к клитору.

Я не могу сдержать стон. Он глухой, рваный, и Артем замирает на секунду, прижавшись губами к моему бедру.

– Тише, – шепчет он, и в его голосе слышится улыбка. – Хочешь, чтобы он нас услышал?

Я мотаю головой, но вместо ответа из горла вырывается очередной вскрик. Он снова припадает губами к клитору – теперь быстрее, настойчивее, ритмично надавливая языком и вытягивая в рот. Мои пальцы в его волосах сжимаются, я чувствую, как внутри нарастает волна, как всё тело становится одним сплошным нервным окончанием.

– Не останавливайся, – шепчу я, уже не контролируя го-

лос.

Он не останавливается. Наоборот, добавляет палец – медленно, осторожно, проникает внутрь, и я чувствую, как меня разрывает от удовольствия. Он двигает пальцем в такт движениям языка, и это слишком много, слишком хорошо, слишком.

Оргазм накатывает внезапно, волной. Я зажимаю рот рукой, чувствуя, как тело содрогается в его руках, как мышцы сокращаются снова и снова. Артем не отпускает, продолжает ласкать, пока последние спазмы не затихают, и только тогда поднимается на ноги, прижимается ко мне, целует в шею.

– Я хочу тебя, – говорит он, и в его голосе слышится мольба. – Сейчас.

– Да, – выдыхаю я, всё ещё дрожа.

Он приподнимает меня, я обвиваю ногами его талию, и он входит в меня одним плавным, глубоким движением. Я вскрикиваю – тихо, почти беззвучно, но он замирает, прижав ладонь к моим губам.

– Тсс, – шепчет он, и я чувствую его улыбку.

Он начинает двигаться. Медленно, глубоко, каждое движение заставляет меня выгибаться, цепляться за его плечи, кусать губы, чтобы не застонать. Пространство вокруг сжимается до размеров нашей тесной клетки, где пахнет деревом, его кожей и мной.

– Посмотри на меня, – просит он.

Я открываю глаза. В полутьме его лицо сосредоточенное,

почти суровое, но в глазах горит такая нежность, что у меня замирает сердце.

– Я люблю тебя, – говорит он, ускоряясь. – Я никогда не позволю ему снова тебя тронуть.

Я хочу ответить, но слова застревают в горле. Я чувствую только его – внутри меня, вокруг меня. Каждый толчок отзывается волной удовольствия, нарастающей, неудержимой.

Он опускает руку между нашими телами, находит клитор и начинает ритмично давить, совпадая с движениями. Я бьюсь в его руках, впиваюсь ногтями в спину, чувствуя, как внутри всё сжимается.

– Артем, – выдыхаю я. – Я сейчас...

– Давай, – шепчет он, вжимая меня в одежду. – Я с тобой.

Второй оргазм накрывает меня быстрее, чем я ожидаю. Я зажимаю рот рукой, чувствуя, как тело содрогается в его руках. Он продолжает двигаться, и через несколько секунд его дыхание сбивается, он прижимается лицом к моей шее и кончает с глухим стоном, который я чувствую губами на своей коже.

Мы замираем, тяжело дыша. За стенкой шкафа тихо – Максим всё ещё разговаривает по телефону, не подозревая, что в нескольких метрах от него рушится его мир.

Артем медленно опускает меня на пол, но не отпускает, прижимает к себе.

– Ты моя, – шепчет он. – Навсегда.

Я обнимаю его в ответ, чувствуя, как бьётся его сердце.

– Навсегда, – повторяю я.

В этот момент я перестаю бояться. Или, может быть, впервые за пять лет я пугаюсь по-настоящему – но не того, что он сделает со мной. Я боюсь, что это мгновение закончится.

Мы одеваемся в тишине, помогая друг другу, путаясь в пуговицах и ремнях. Когда я поправляю ворот его рубашки, он ловит мою руку и целует пальцы.

– Сегодня же ночью, – говорит он. – Я не хочу больше ждать.

Я смотрю на него и киваю.

Дверь в кабинет всё ещё закрыта, когда я выскальзываю в коридор и направляюсь на кухню, делая вид, что просто проходила мимо.

Мои пальцы дрожат, когда я наливаю воду в стакан. Я чувствую его запах на своей коже, вкус его губ, и понимаю: назад дороги нет.

Точка невозврата пройдена.

Глава 7. Стены слышат

– Лика!

Голос Максима из гостиной звучит неожиданно резко. Я вздрагиваю, вода расплёскивается на столешницу. Делаю глубокий вдох, вытираю руки и иду на зов.

Он сидит в кресле, нога на ногу, в руке бокал с виски. Глаза полуприкрыты, но я чувствую его взгляд – тяжёлый, изучающий, скользит по мне с головы до ног, останавливается на шее, на запястьях. Рядом на диване уже сидит Артем. Я не слышала, как он вошёл.

– Иди сюда, – Максим кивает на место рядом с собой.

Я подхожу. Сажусь на край дивана, держу спину прямо, смотрю перед собой. Боковым зрением вижу Артема – он напряжён, пальцы впиваются в подлокотник.

– Ты сегодня какая-то странная, – говорит Максим, потягивая виски. – Весь день шарахаешься, глаза красные. Опять ныла?

– Нет, – отвечаю тихо.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю.

Я поднимаю глаза. В его взгляде – холод, смешанный с чем-то тяжёлым, маслянистым. Жестокое предвкушение. Он медленно облизывает губы, и у меня внутри всё переворачивается.

– Артем, – Максим поворачивается к брату, – ты заметил?

Жена моя в последнее время сама не своя. Может, расскажешь, чем вы тут целыми днями занимаетесь?

Артем молчит. Я чувствую его напряжение, хотя он сидит неподвижно, сложив руки на груди.

– Молчишь? – Максим усмехается. – Ну-ну. Лика, принеси ещё виски.

Я встаю, иду на кухню. Руки трясутся, когда я наливаю виски. Возвращаюсь, протягиваю бокал. Максим берёт, но вместо того чтобы отпустить, обхватывает моё запястье. Пальцы горячие, впиваются в кожу.

– Сядь.

Я сажусь рядом. Он обнимает меня за плечи, притягивает к себе, и я чувствую запах виски, табака, пота. Его рука спускается ниже, скользит по спине, сжимает талию.

– Ты какая-то напряжённая, – говорит он, и его дыхание касается моего уха. – Расслабься. Мы же семья. Правда, Артем?

Артем не отвечает. Я чувствую его взгляд, но не могу поднять глаза.

– Что, брат, не нравится, как я с женой обращаюсь? – Максим усмехается. – Завидуешь?

– Макс, – голос Артема звучит глухо, – может, хватит? Лика устала.

– Лика устала, – передразнивает Максим. Голос его становится опасным, тихим. – А ты откуда знаешь, устала она или нет? Вы тут без меня много разговариваете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.